

Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI (Новая серия): К 85-летию Павла Семеновича Рейфмана. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2008.

Настоящий сборник издается под эгидой международной редколлегии: **Humaniora: Litterae Russicae**, утвержденной на заседании Совета философского факультета Тартуского университета 8 февраля 2006 г.:

И. Белобровцева (Эстония), Д. Бетеа (США), А. Данилевский (Эстония), А. Долинин (США), Л. Киселева (Эстония) — председатель редколлегии, А. Лавров (Россия), Р. Лейбов (Эстония), А. Немзер (Россия), А. Осповат (США), П. Песонен (Финляндия), Л. Пильд (Эстония), Т. Степанищева (Эстония), П. Тороп (Эстония), О. Ханзен-Леве (Германия)

Редактор тома: Л. Киселева

Технический редактор: С. Долгорукова

В редактировании настоящего тома участвовали: Ф. Винокуров, Р. Войтехович, Л. Вольперт, А. Данилевский, Л. Киселева, Р. Лейбов, Л. Пильд, Т. Степанищева

Все статьи и публикации настоящего тома прошли предварительное рецензирование
Kõik kogumiku materjalid on läbinud eelretsenseerimise
All manuscripts were reviewed

Авторские права:

Статьи и публикации: авторы, 2008

Составление: Кафедра русской литературы Тартуского университета, 2008

Väljaannet toetab Tartu Ülikool

Издание осуществлено при финансовой поддержке фонда Тартуского университета

ISSN 1406–2623

ISBN 978–9949–11–804–5

Tartu Ülikooli Kirjastus / Tartu University Press

www.tyk.ee

Eesti / Estonia

[Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI \(Новая серия\): К 85-летию Павла Семеновича Рейфмана.](#) Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2008. С. 253–264.

ОТ ЛУЖИЦКОЙ ЛЕГЕНДЫ К ПЕТЕРБУРГСКОМУ
МИФУ: О ФОЛЬКЛОРНОМ ИСТОЧНИКЕ
РАССКАЗА А. РЕМИЗОВА «УКРАШ-ВЕНЕЦ»

СЕРГЕЙ ДОЦЕНКО

Рассказ-притча А. М. Ремизова «Украш-венец» был написан в 1913 г. и напечатан в его сборнике рассказов «Весеннее порошье» (СПб., 1915). Сюжет его прост: однажды Иисус Христос и апостол Петр шли по святой Руси, и оказались они на Неве-реке, в городе Петербурге. Время было как раз под Рождество. И вдруг апостол Петр услышал пение, доносившееся из одного дома: «Приостановился Петр, заслушался. На волю в окнах там свечи поблескивали унывно, как пение. И вот в унывное ровно пробил быстрый ключ — протекла река: вознеслась рождественская песнь:

Христос рождается,
 Прославьте Его!
Христос — с небес,
 Встречайте Его!
Христос на земле...»¹

Петр обернулся, чтобы позвать Христа и войти в дом, в котором люди пели рождественскую песнь, прославляющую Христа, а того не оказалось. Прошел Христос мимо этого дома. Удивился апостол Петр, но догнал Христа, и пошли они опять вместе. Проходили они мимо другого дома, а там люди шумно пели веселую песню и плясали. Опечалился апостол Петр: «Под такой большой праздник люди пляшут! <...> пропасть и беды пойдут, постигнет гнев Божий русскую землю!» [6: 63]. И пошел он «уныл и печален, и жалкий

¹ Ремизов А. Собр. соч.: В 10 т. М., 2001. Т. 6: Лимонарь. С. 62. Далее все ссылки на это издание даются в тексте в квадратных скобках с указанием тома и страницы. 253 | 254

слепой плач омрачил его душу» [Там же]. Спихватился апостол Петр — а Христа снова нет рядом. Смотрит — Христос стоит у того дома, где люди веселятся, поют и пляшут. «Господи, — воззвал Петр, — я всюду пойду за Тобой! Но открой мне, Господи... там Тебя величали, там Тебе молились, и Ты мимо прошел, а тут, Господи, забыли и праздник Твой, песни поют, и Ты вошел к ним?» [6: 63].

В ответ Христос сказал апостолу Петру: «О, Петре, мой верный апостол, те молением меня молили и клятвами заклинали, но их черствое сердце было от меня далеко и мой свет не осиял их сердца, и дело их грубо и хвала их негодна Богу и людям постыла, а у этих — веселье от сердца, и песни их святы и слова их чисты — сердце их чисто, и я вошел к ним в их дом, и вот венец на мне, его я сплел из слов и песен неувядаем — видеть всем и созирать!» [Там же].

Венец этот Ремизов и называет — «украш-венец». Помня о том, что многие ремизовские притчи представляют собой обработку (хотя подчас и довольно вольную) уже существующих сюжетов христианских народных легенд, есть основание предполагать, что и в данном случае у ремизовского рассказа есть фольклорный источник, который является его протосюжетом. Таким источником-протосюжетом ремизовской притчи стала лужицкая народная легенда, приведенная в сборнике А. Н. Афанасьева «Народные русские легенды»².

Сюжет лужицкой легенды таков. Странствовали Христос и апостол Петр по свету. Пришли они в некую деревню, и в одном доме так хорошо пели, что Христос остановился и заслушался, а Петр отправился дальше. Пройдя несколько шагов, он оглянулся и увидел, что Христос стоит все там же. Петр сделал еще несколько шагов, оглянулся — Христос стоит

² См.: Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. Новосибирск, 1990. С. 28–29 (текст лужицкой легенды под заглавием «Певцы» приведен в предисловии автора); см. также: Летописи русской литературы и древности, изданные Н. С. Тихонравовым. М., 1859. Кн. 2. С. 99. 254 | 255

все там же. Снова дальше и дальше пошел Петр, оглянулся в третий раз и увидел, что Христос все стоит на прежнем месте и слушает песню. Петр вернулся к Христу, они некоторое время вместе послушали народную песню и отправились дальше. Вот подошли они к другому дому, где тоже раздавалось пение. Петр остановился его послушать, а Христос пошел дальше. Петр изумился, и тогда Христос спросил: «Что так сильно тебя изумило?»

«Меня то поразило, — отвечал св. Петр, — что ты остановился там, где пелась народная песня, и проходишь мимо здесь, где поются духовные стихи». Тогда сказал ему Христос: «О, мой любимый св. Петр! Там пели народную песню, но сохраняя всевозможное благоговение; здесь же поют духовные стихи, но без малейшего чувства благоговения»³.

Мораль легенды-притчи очевидна. Можно петь обычную народную песню, но при этом сохранять благоговение и истинную веру, а можно петь духовный стих, прославляя Христа, но не иметь благоговения и не иметь истинной веры.

Несомненно, что Ремизов позаимствовал и использовал не только идею, но и сюжет лужицкой легенды. Не приходится сомневаться и в том, что Ремизов был хорошо знаком со сборником А. Н. Афанасьева (ссылки на этот сборник есть в примечаниях писателя к другим его обработкам народных легенд). Но нас более будет интересовать та трансформация, которая была проделана Ремизовым при обработке (переложении) фольклорного источника.

Лужицкая легенда (как и вообще подобного рода легенды) лишена местного колорита: Христос и апостол Петр странствуют по свету, и деревня, в которой они оказались, могла находиться в любой стране. У Ремизова же действие разворачивается в конкретном историко-географическом (культурном) пространстве: Христос и апостол Петр странствуют по «нашей земле», то есть по «святой Руси». Правда, само выражение «святая Русь», как справедливо

³ Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. С. 29. 255 | 256

заметил С. Аверинцев, в русском народном сознании часто обозначает не конкретное этническое и географическое понятие, а скорее понятие символическое (вселенское), — это обозначение всего христианского мира: «<...> За ним стоит отнюдь не, выражаясь по-нынешнему, национальная идея, не географическое и не этническое понятие. Святая Русь — категория едва ли не космическая. <...> У Святой Руси нет локальных

признаков. У нее только два признака: первый — быть в некотором смысле всем миром, вмещающем даже рай; второй — быть миром под знаком истинной веры»⁴.

Но Ремизов использует понятие «Святая Русь» в том значении, которое оно приобрело в литературе и публицистике XIX в.: как обозначение топоса, этнического *par excellence*. Поэтому автор идет еще дальше в конкретизации места и времени действия своей легенды: это не просто «наша земля», не просто «святая Русь», а именно город Санкт-Петербург⁵. Возникает вопрос: почему Ремизов перенес действие легенды именно в Петербург, а не в иное место «нашей земли» («святой Руси»)? Для ответа на этот вопрос необходимо хотя бы кратко рассмотреть ремизовскую концепцию Петербурга, или авторский «петербургский миф» А. Ремизова.

Первое впечатление, произведенное Петербургом на коренного москвича Ремизова, было скорее отрицательным. О нем он сообщал в письме жене, С. П. Ремизовой-Довгелло, 5 июня 1904 г.: «А мне Петербург не нравится, хотя он и лучше других»⁶. Неприятие Петербурга или, по крайней мере,

⁴ Аверинцев С. Византия и Русь: Два типа духовности. Статья первая // Новый мир. 1988. № 7. 216, 217.

⁵ О специфике адаптации Ремизовым сюжетов и образов средневековых легенд (в том числе — легенд библейских) подробнее см.: Доценко С. «Автобиографическое» и «апокрифическое» в творчестве А. Ремизова // Алексей Ремизов: Исслед. и мат. СПб., 1994. С. 33–40.

⁶ Ремизов А. На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. П. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1987. VI. С. 250. Восприятие Петербурга как не совсем русского города объяснялось еще и биографическими мотивами. Детство и отрочество Ремизова прошли в доме его дяди Н. А. Найденова — в московской купеческой семье с патриархальными нравами и обычаями. Ремизов вспоминал, напр., что в доме дяди не было обычая устраивать рождественскую елку: «Елка не московское, елка на Москве с Лефортова, не свой, чужеземный обычай. Наш дом старозаветный, и мы не знали ни о какой Рождественской елке» (Ремизов А. Встречи: Петербургский буерак. Paris, 1981. С. 213). 256 | 257

отчужденное его восприятие, — таков первоначальный взгляд Ремизова на Петербург. Он доминирует и с разной степенью эксплицитности проявляется в ранних «петербургских» произведениях писателя. Например, в «сне» «Обезьяны» (1905), где «всадник, весь закованный в зеленую медь» [7: 410], т.е. Медный всадник, ассоциируется у автора с всадником смерти из Апокалипсиса, а сцена казни обезьян на Марсовом поле — со сценой стрелецкой казни в романе Д. Мережковского «Петр и Алексей»⁷. Или в рассказе «Святой вечер» (1905), в котором Петербург отчетливо выступает как город, чуждый русским народным обычаям⁸.

⁷ См.: Минц З., Безродный М., Данилевский А. «Петербургский текст» и русский символизм // Семиотика города и городской культуры: Петербург. Тр. по знак. сист. 18 / Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 89–90.

⁸ Герой рассказа, петербургский чиновник Скороходов, уезжает из Петербурга, чтобы отпраздновать рождественский сочельник с обязательной (по народной традиции) кутьей: «Нет, если уж где справлять канун Рождества — рождественский сочельник, то, само собой, не в Петербурге. Первым делом как есть кутью садиться, отвори окно, да, бросая за окно, на волю, первую ложку, проси деда Корочуна кутью есть. <...> Но об этом в Петербурге и думать не годится, если ты хоть сколько-нибудь благоразумен <...> Как известно, по петербургским правилам, за окно бросать ничего не полагается, и всякое выбрасывание хотя бы и такой всем приятной сладости, как вареный ячмень на меду с грецким орехом, может кончиться не совсем приятно: там разбирать некогда, подберут твою кутью до последнего зернышка и повезут ее, под охраной, куда полагается» [3: 505]. Выбрасывать в рождественский сочельник первую ложку голодной кутьи, которая предназначалась мифологическому деду Корочуну, —

старинный народный обычай, уже выродившийся, по мнению Ремизова, в «немецком» городе Петербурге. Предметом размышлений героя становится даже сама возможность появления деда Корочуна в Петербурге: «А затем еще неизвестно, захочет ли сам дед Корочун под такой большой праздник в Петербурге находиться? Ой, что-то очень сомнительно, чтобы приятно было старому по Невскому путешествовать или где на Островах сидеть. И скорее всего перекочевывает он об эту пору в самые дальние степи, в дикие и широкие, и уж там, на просторе, разгуливает, ест кутью <...>» [3: 505-506]. Этот взгляд на Петербург, идущий от славянофилов и Достоевского, был подхвачен и актуализирован в символистском изводе «петербургского мифа». Мысль о Петербурге как о «безбожном» городе, который лишен исторической традиции, в котором нет православных святынь, наиболее явно отразилась в стихотворении И. Анненского «Петербург» (1910): «Ни кремлей, ни чудес, ни святынь, // Ни миражей, ни слез, ни улыбки... // Только камни из мерзлых пустынь // Да сознание проклятой ошибки» (Анненский И. Избранные произведения. Л., 1988. С. 152). ^{257 | 258}

Но в начале 1910-х гг. в отношении Ремизова к Петербургу происходит принципиальное изменение. Теперь Петербург перестает быть для него городом, противопоставленным всей остальной России, а, наоборот, предстает как город, органически с нею связанный. Основополагающий для Д. Мережковского (как прежде для славянофилов и «почвенников») тезис, согласно которому Петербург есть город «чужой», «безбожный», «проклятый», кажется Ремизову заблуждением. В рассказе «Спасов огонек» (1913) этот тезис становится предметом авторских рассуждений: «В Петербурге Бога нет! — признаюсь, и я так думал, только совсем по-другому. Я книжному гадал: Петербург на болоте стоит, всем известно, в Петербурге туманы, почитай, круглый год, и сам Петербург, что туман, — придет час, неожиданный и негаданный, и, как сон, все рассеется, одни болотные кочки останутся, какой уж там Бог! В Москве есть, в Киеве есть, в Ярославле и Костроме ^{258 | 259} есть, а в Петербурге нет, и вместо Бога туман. Неужто только и есть, что туман?» [3: 175].

Источник «книжного гадания» у Ремизова — это, разумеется, роман Достоевского «Подросток»⁹. Примечательно ремизовское «и я так думал» как указание на то, что некогда близкая ему концепция Петербурга теперь уже не кажется таковой. Когда Ремизов признается: «<...> а мы туманы, болото, туманы видим, твердим о запустении, о пропаде нашем, одну гниль разглядели, огоньки болотные!» [3: 175], то он имеет в виду давнюю традицию русской историософской мысли, ныне подвергаемую ревизии. Теперь Ремизов (напр., в романе «Плачужная канава», 1914–17) начинает видеть в Петербурге «город мечты о человеческом счастье и воле — Петербург, с проспектами и трактами, Медным всадником, с белой ночью и любимым, душу томящим, желтым осенним туманом <курсив мой. — С. Д.>» [4: 283].

Тот же взгляд на Петербург мы находим в книге Ремизова «Взвихренная Русь» (1917–21; гл. «Красный звон»): «Город святого Петра — Санктпетербург! // Полюбил я дворцы твои и площади, // тракты, линии, острова, каналы, мосты, // твою суровую полноводную Неву // и одинокий заветный памятник // огненной скорби — // Достоевского, // твои бедные мостки на Волковом, // твои тесные колтовские улицы, // твои ледяные

⁹ Ср.: «Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась страшная, но навязчивая греза: “А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подымется с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото <...>”» (Достоевский Ф. Собр. соч.: В 15 т. Л., 1990. Т. 8. С. 270). См. также парафраз этого фрагмента в романе Мережковского «Петр и Алексей»: «Петербург видом своим, столь не похожим на Москву, поразил Тихона. <...> Все было плоско, пошло, буднично и в то же время похоже на сон. Порою, в пасмурные утра, в дымке грязно-желтого тумана, чудилось ему, что весь этот город подымется вместе с туманом и разлетится как сон» (Мережковский Д. Христос и Антихрист: Трилогия. М., 1990. Т. 4. С. 80–81). ^{259 | 260}

белые ночи, // твои зимние желтые туманы, // твою болотную осень с одиноким // тонким деревцом, // твои сны, // твою боль. // Полюбил я страстные огни — // огоньки четверговые // на Казанской площади // и в стальные крещенские ночи // медный гул колокольный // Медного всадника» [5: 42]¹⁰.

Ремизов полюбил то, что Мережковский в романе «Петр и Алексей» назвал «мерзостью запустения». Символично и то, что Ремизов, полюбивший Петербург, подчеркивает особый сакральный статус как самого города, так и его основателя: ведь Петербург — «город святого Петра». Из двух возможных интерпретаций официального имени города Ремизов выбирает тот, который подчеркивает святость Петра. Неслучайность этого знакового жеста очевидна.

Следовательно, для Ремизова Петербург включается в то символическое культурное и историческое пространство, которое он называет «святой Русью». Подтверждение тому находим в апокрифе Ремизова «Никола Угодник» (1907), где св. Николай ходит по Руси, «своей русской земле»: «Отстоял Никола вечерню у Печерской в Киеве, второй звон звонят — пришел к Софии в Новгород, третий звон звонят — идет в Питер к Казанской, а к великому славословию в Успенский на Москву поспел» [6: 190].

Иными словами, для Ремизова понятие «русская земля» («святая Русь») включает не только такие традиционные топосы, как Киев, Новгород и Москва, но и Петербург¹¹. Кроме доказательства святости места, которое

¹⁰ Продолжая полемику с символистским «антипетровским» (и «антипетербургским») мифом, Ремизов в своем «реестре» святынь Петербурга упоминает и памятник Ф. Достоевскому (который установлен на могиле писателя на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры), и Казанский собор, и памятник Петру I — Медный всадник. Причем выражение «медный гул колокольный // Медного всадника» устанавливает ассоциацию с московскими святынями — московскими церквями с их знаменитым колокольным звоном.

¹¹ О включенности Петербурга в культурно-историческое понятие «русская земля» (Россия, Русь) свидетельствует символическая картина в эссе «Огневица» (10.X.1917): «Распростертый крестом, брошен лежал я на великом поле во тьме кромешной, на земле родной. Тело мое было огромно, грузно, неподвижно; руки мои — как от Москвы до Петербурга. <...> И были ноги мои, как от гремучей Онеги до тихого Дона» (Ремизов А. Огненная Россия. Ревель, 1921. С. 27; см. также: [5: 157]). 260 | 261

библейские персонажи удостоили своим посещением, в рассказе-притче «Украш-венец» можно усмотреть и определенный полемический подтекст: если святость Киева и Новгорода (и, следовательно, унаследовавшей их историческую харизму Москвы) подтверждена, согласно летописному преданию, легендарным посещением этих мест св. апостолом Андреем, то святость Петербурга оказывается подтверждена легендарным посещением его другим апостолом, св. апостолом Петром (который является одновременно и патроном основателя города — Петра I). Можно вспомнить и отрицательную реакцию Ремизова на факт переименования города в 1914 г., в связи с чем был утрачен исключительно значимый элемент «титулатуры» города: «святой»¹². Но мысль о святости Петербурга (даже

¹² См.: Безродный М. Об одном приеме художественного имяупотребления: (Nomina sunt odiosa) // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 213–217. В эссе Ремизова «На Красном поле» (1917) о десакрализирующем переименовании города сказано: «Обездолили, отреклись от апостола, имя святое твое променяли на человеческое: из града Святого Петра — петухом — Петроградом сделали. Вот почему отступили силы небесные, и загнездилась на вышках твоих черная сила» (Ремизов А. На

Красном поле // Аргус. 1917. № 7. С. 75). См. также ремизовскую ламентацию в книге «Россия в письменах» (гл. «Нарва»): «По злему ли наущению либо от простоты нашей Санктпетербург обернули в Петроград. Очень меня тогда за сердце взяло: город святого Петра — Санктпетербург — и вдруг какой-то Петроград! <...> Смута пошла, а с нею раздор и раззор. Уничтожили навсегда твердый знак. А загаженный, заплеванной Петербург обратили из Петрограда в красный Петроград» (*Ремизов А.* Россия в письменах. New York, 1982. Т. I. С. 61–62). Примечательно, что сам Ремизов до конца жизни продолжал называть город на Неве Петербургом, а не Петроградом.^{261 | 262}

несмотря на его переименование) продолжает присутствовать в сознании Ремизова. В 1919 г. он пишет рассказ «Рождество» (вошел в цикл «Современные легенды»), в котором эпизод рождения ребенка в Петербурге явно проецируется на евангельскую легенду о рождении Христа: «И когда в сочельник за толстым слоем ваточных отепельных облаков зажглась звезда, и в боковой комнатенке раздался писк новорожденного, Агафья склонилась перед младенцем, как волхвы, как пастухи, как вол и конь, и из ее вспугнутых глаз полились слезы, что опять — *на земле опять родился Спаситель мира* <курсив мой. — С. Д.>»¹³.

Несогласие Ремизова с трактовкой Петербурга как «проклятого» и «бесовского» города эксплицитно выражено и в книге «В розовом блеске», в главе «Петербург»: «Петербург — город прозрачный, северная ясня! Это Москва, наговорившая про него и то и с̄, ревнивая — Москва, где в Таганке ругают Землянку, на Землянке — Замоскворечье, в Замоскворечье — Арбат, на Арбате — Покровку, это отчаяние разглядело в нем только тяжелые туманы с бесами, с привидениями, это ожесточение “рабов Христовых Последней Руси” из земляных тюрем и с пылающих срубов пустило про него проклятую славу — “быть пусту!” <...> Да, в Петербурге туманы, но и в Лондоне, Париже и Берлине туманы — не пройти, не проехать! — но зато завтра вдруг ударит московский мороз, и вечер закутается ало-синюю северной пеленой, за которой уж ночь кует крепкие крещенские звезды»¹⁴.

¹³ *Ремизов А.* Огненная Россия. Ревель, 1921. С. 36. Тема сакральности Петербурга нашла также отражение в рассказах Ремизова из цикла «Современные легенды»: «Рука Крестителя» (1917) и «Святой ковчежец» (1917).

¹⁴ *Ремизов А.* В розовом блеске. М., 1990. С. 400. Гл. «Петербург» впервые была напечатана в пражском журн. «Воля России» (1924. № 14/15).^{262 | 263}

Итак, для Ремизова «проклятая слава» Петербурга — то, что «наговорила» на него «ревнивая Москва». Примечательно, что, отстаивая новый для себя взгляд на Петербург, Ремизов воспроизводит известный набор мифологем, эксплуатировавшихся в литературе XIX и начала XX вв. Здесь и знаменитое пророчество Евдокии Лопухиной («Петербургу быть пусту!»), и мотивы «туманности», «призрачности», «бесовства» Петербурга, который якобы был построен Петром-Антихристом на гиблом месте. Более того, ссылка на «рабов Христовых Последней Руси», которые и были создателями мифа о Петре-Антихристе, оказывается аллюзией на эпизод из романа Мережковского «Петр и Алексей», посвященный «самосожженным» — раскольникам-старообрядцам из керженских лесов, т.к. именно их Мережковский называет «Последней Русью»¹⁵.

С начала 1910-х гг. в сознании Ремизова становится доминирующей идея святости Петербурга¹⁶, и для доказательства этой идеи он делает город *Святого Петра* местом действия своей легенды-притчи «Украш-венец». Дезавуируя и развенчивая одну народную легенду, которая легла в основу «петербургского мифа», Ремизов использует

для этого другую народную легенду, сознательно «привязывая» ее сюжет к Петербургу и наполняя ее местным («петербургским») колоритом¹⁷.

¹⁵ См.: *Мережковский Д.* Христос и Антихрист: Трилогия. Т. 4. С. 157 (2-я паг.). Закавыченное выражение «последняя Русь» как обозначение старообрядцев см. также в романе А. Ремизова «Плачущая канава»: «Русский народ оставил и дело — завет самосжигающейся “последней Руси”, — огненный крест» [4: 309]. «Святая Русь, — юродивые и блаженные, убогие, прозревшие от белого своего сердца, святая Русь неколебимая, как и “последняя Русь” огненная, совесть русская со всей ее болью и скорбью <...>» [4: 324].

¹⁶ См. подробнее: *Доценко С.* Петербургский миф А. М. Ремизова: Заметки к теме // *De Visu*. 1994. № 3/4. С. 60–66.

¹⁷ Как приметку местного колорита следует рассматривать такую деталь рассказа: «Ночное зарево от печей и труб, как заря ²⁶³²⁶⁴ вечерняя, разливалось над белой, от берегового угля, нефти и кокса, над такой белой снежной Невой-рекой» [6: 62].